

Зовъ къ опрощенію, къ недѣланію, есть поэтому эмблема борьбы съ мѣщанствомъ, которое выдаетъ себя за истинную культуру. И здѣсь, подобно тому же Валааму, онъ дѣлаетъ не то, чего хочетъ. Ибо онъ является здѣсь, подъ личиной реставратора и реакціонера, выразителемъ новаго христіанскаго сознанія, носителемъ новыхъ тревогъ и исканій, которыя, въ общемъ и цѣломъ, всѣ сосредоточиваются около проблемы *христіанской культуры*.

Толстой во всемъ отвергъ нашу культуру, но потому-ли, что вообще не хотѣлъ никакой культуры или потому, что имѣлъ о ней слишкомъ возвышенное понятіе, и ни въ какой степени не хотѣлъ мириться съ этой обезбоженной, мѣщанской, идолопоклоннической и насильнической цивилизаціей? Не есть-ли его опрощеніе лишь отрицательное выраженіе его стремленія къ истинной, т. е. религіозной культурѣ и отвращенія къ духовнымъ ядамъ, отравляющимъ и разлагающимъ эту культуру? И не есть-ли поэтому и вся эта проповѣдь опрощенія только своеобразное, если хотите, уродливое выраженіе общей христіанской тоски о новой землѣ подъ новымъ небомъ, подъ которымъ правда живетъ?

Толстой хотѣлъ знать простоту только въ опрощеніи, и здѣсь его ученіе было лишь блѣднымъ, безблагодатнымъ и извращеннымъ повтореніемъ того, чему издревне учило аскетическое христіанство и что во всѣ времена исторіи Церкви воплощалось въ подвигѣ великихъ христіанскихъ аскетовъ, дѣйствительно уходившихъ изъ исторіи, становившихся надземными существами, „ангелами во плоти“. Но можетъ-ли эта простота быть достигнута и на землѣ? Возможна-ли святая простота въ земной сложности? Въ историческомъ дѣланіи? Въ творествѣ культуры?

Возможна-ли вообще земная святость? Вотъ о чемъ болитъ наше христіанское сознаніе, о чемъ оно вопрошаетъ. Отвѣта не родилось въ исторіи,—мы не примемъ за этотъ отвѣтъ жалкія поддѣлки и религіозное самозванство. Но значить-ли это, что его и не будетъ, ибо ложенъ и безотвѣтенъ самый вопросъ? Или же не исполнились еще для отвѣта времена и сроки? Но чаемъ, мятемся, вопрошаемъ...

Сергій Булгановъ.